УДК 811.161 *ISSN 2413-6182*
DOI 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124 *eISSN 2658-4867*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ УКРАИНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТИЛИСТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

А.В. Савченко
Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)

Аннотация: Статья посвящена анализу случаев употребления лексических единиц (а также фразеологизмов и паремий) украинского языка в русском, в том числе встречающихся в разговорной речи. Рассматриваются как традиционно считающиеся украинизмами заимствования, так и случаи так называемой лексической трансплантации, т. е. включение в устный или письменный текст иноязычных вкраплений в оригинальном или трансформированном виде (фонетическое, морфологическое, лексическое уподобление в принимающем языке). Данное явление на сегодняшний день является характерной и специфической чертой современного русскоязычного разговорного дискурса и проявляется на всех уровнях коммуникации: от неформально-бытового общения до языка СМИ и публичного дискурса в целом. Украинизмы стали активно входить в русский языковой обиход во многом благодаря произведениям И.П. Котляревского и Н.В. Гоголя. Сегодня употребление в русском языке (и в первую очередь, в разговорной речи) украинизмов, включая вкрапления украинских слов и целых выражений, а также иные черты проявления украинского языка в русском, обусловлено как чисто лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В статье представлена типологическая характеристика вышеназванных единиц, на основе конкретных приводимых примеров описываются их основные стилистико-прагматические функции. Настоящее исследование также затрагивает вопрос межъязыковой конвергенции двух близкородственных языков.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, языковой контакт, заимствования, лексическая трансплантация, языковая интерференция, интертекстуальные элементы.

Для цитирования:

Савченко А.В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 1105–1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 18-012-00754 А «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине».

© А.В. Савченко, 2019

Сведения об авторе:

Савченко Александр Викторович, ассистент-профессор, кандидат филологических наук

Контактная информация:

Почтовый адрес: 11605, Taiwan, Taipei City, Wenshan District, Zhinan Rd., Sec. 2, 64

E-mail: savchenko75@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.04.2019

Дата рецензирования: 30.06.2019

Дата принятия в печать: 10.11.2019

Введение

Многовековое историко-культурное сосуществование двух близкородственных славянских народов – русских и украинцев – обусловило процесс межъязыковой конвергенции, которая в первую очередь проявляется в лексическом составе обоих языков.

Взаимопроникновение слов из одного языка в другой, особенно заметное в приграничных с Украиной областях (Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Ростовская области), имеет давнюю историю. Свидетельства лексической конвергенции, при которой слово, входящее в близкородственный, но всё же иной, язык достаточно быстро ассимилируется и практически перестает восприниматься как заимствование, нередко приобретая при этом дополнительные коннотации или стилистико-прагматические черты в определенном контексте или коммуникативной ситуации, часто встречаются не только в разговорной речи, но и в печатных текстах: языке СМИ и художественной литературе. Значительное количество украинизмов (т. е. украинских слов и выражений) – как вошедших в русский язык достаточно давно, так и в последние годы – фиксируется словарями современного русского языка. Таким образом, общую проблематику, анализу которой посвящена статья, сформулировал В.В. Виноградов, отметивший, что «проблема взаимодействия русской и украинской речевых культур далеко выходит за пределы личных литературно-художественных взаимоотношений и связей отдельных писателей этих двух славянских наций. Она превращается в очень широкую тему о взаимообогащении двух родственных восточнославянских литератур и культур» [Виноградов 1971: 14].

Описание материала и методов исследования

Рассмотрим украинизмы, в том числе случаи употребления украинизмов в качестве иноязычных элементов: их тематическую дифференциацию, стилистический характер и прагматические функции в современ-

ном русском языке. Анализ осуществляется с помощью методов контекстного семантического, стилистико-прагматического, функционального подходов. В качестве материала приводятся примеры, зафиксированные в устной речи, а также использующиеся в интернет-коммуникации и языке СМИ (пресса, телевидение, радио). Устные фиксации были получены в ходе многолетних наблюдений за речью носителей русского языка в разных регионах России (в частности в Ленинградской, Московской, Тверской, Новгородской областях, в Черноземье и Поволжье), а также методом сплошной выборки из интернета и печатных СМИ. Именно интернет дает значительное количество примеров как основное на сегодняшний день коммуникативное пространство и для неформального общения, и для официального, публицистического, медийного и др. дискурсов. Цель исследования – определить стилистический характер и прагматическую функцию различных украинизмов в современном русском языковом и речевом дискурсе и представить структурно-функциональную типологию подобных единиц. Общей теоретической базой послужили, в частности, работы таких исследователей, как [Sapir 1966; Wierzbicka 1985; Масенко 2004 и др.].

Украинизмы начали активно входить в русский языковой обиход во многом благодаря произведениям И.П. Котляревского (в частности, его поэме «Энеида») и, конечно, Н.В. Гоголя (так, значительное количество украинизмов было включено автором в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» (в конце автор приводит словарь украинизмов) и в повесть «Тарас Бульба». В повести «Сорочинская ярмарка» каждую главу, написанную на русском, предваряет эпиграф по-украински). В.В. Виноградов отмечал, что «украинский колорит гоголевского стиля складывается в оригинальном подборе оборотов, известных и в народном русском языке, но не вошедших в норму литературного общерусского употребления» [Виноградов 1971: 21]. Вопросам функционирования украинизмов в языке произведений Гоголя, среди прочих, посвящены работы [Чапленко 1940; Мирошник 1959; Ефремов 1963; Гажева 2011; Качор 2012 и др.]. Исследованию роли украинизмов в русскоязычных текстах посвящена работа [Дика 2018].

В своём труде «Язык Гоголя и его значение в истории русского языка», впервые опубликованном в 1953 г., В.В. Виноградов пишет: «Тонкий отбор и художественно оправданное применение тех элементов украинской народной речи, которые соответствовали строю близко родственного русского языка, естественно сочетались у Гоголя с широким и свободным пользованием конструкциями и оборотами русской народно-разговорной речи» [Виноградов 2003: 64–65]. Во многом именно благодаря отмеченным ученым факторам многие украинизмы закрепились в русском языке, в том числе и в речи повседневного бытового общения.

Так, с течением времени употребление в русской разговорной речи таких слов, как (*гарний*) *хлопец*, (*гарна*) *дивчина*, *хата*, *горилка*, *вареники*,

гроши (зачастую с нарочито подчеркнутым фрикативным *г*), а также глаголов (*по*)*шукати*, (*по*)*бачити* и т. п. стало своеобразным приемом, имеющим, помимо отражения национального украинского колорита, различные прагматические функции, в частности – как средство создания иронии и различных стилистических контрастов, достижения эмоционально-экспрессивного речевого эффекта. Большинство таких украинизмов обозначают украинские реалии и / или играют роль контекстуального маркера, выполняющего определенные функции (помимо «вызова ассоциаций» с Украиной и украинской культурой, это может быть и ирония, и эффект придания контексту шутливо-разговорного характера, и даже сарказм, нередко с различными негативными оттенками значений).

Многие украинизмы уже настолько прочно вошли в словарный состав русского языка, что давно не ассоциируются с украинским языком, например: *борщ, бублик, вареники, пампушка, хлебороб*, *бугай* и др.

Встречающиеся в русском языке украинизмы тематически можно разделить на несколько групп, представляющих, как правило, различные реалии украинской культуры и повседневной жизни. Основные лексико-семантические поля в общих чертах могут быть представлены на основе классификации, предложенной в ряде работ, в частности [Баранник 2001: 3; Баранник 2007: 90]: 1) лексика, связанная с кулинарным дискурсом – наименования блюд украинской национальной кухни, например: *борщ, вареники, галушки, пампушки, деруны* (укр. *деруни*) и др. Сюда же можно включить и названия традиционных алкогольных напитков – *горилка, спотыкач* (укр. *спотикач* – от глагола *спотикатися* [СУМ 1978: т. 9, 582]), *магарыч*; 2) наименования одежды и обуви: *шаровары, черевики, черевички, чоботы* (*чёботы*) и др. К этой группе можно отнести и женские украшения, например, *монисто* (ср. укр. *намисто* [СУМ 1974: т. 5, 128]); 3) лексику, связанную с музыкальным дискурсом – наименования народных танцев: *гопак, казачок* и национальных музыкальных инструментов: *бандура, кобза*; 4) названия растений (цветов, деревьев, овощей, фруктов): *бурак, гарбуз, цыбуля* (укр. *цибуля*)*, барвинок, чернобривцы* и др. Подробный обзор классификации украинизмов в русском языке также представлен в: [Вержанская, Лагута 2017; Космеда, Намачинська 2017].

В последние годы в русский язык вошли новые понятия (resp. некоторые украинизмы получили новые коннотации), отражающие реалии общественно-политической жизни на Украине и особенности взаимоотношений двух стран в данный исторически период, в частности: *майдан*, *Незалежная*, или реже, как вариант, украинское слово *Незалежна* (в значении «Украина»), *самостийный*, *свидомый* (укр. *самостійний*, *свідомий*) и мн. др.

Отметим, что чаще всего их употребление заключает в себе негативные коннотации, особенно в языке СМИ, где они сопровождаются соответствующим видеорядом или устными комментариями, которые должны

наглядно «подтвердить» негативность образа, например, *самостийный* – в значении «беспорядочный, склонный к анархии», *майдан* – «стихийные беспорядки, протесты»; слово *незалежная* чаще всего употребляется в значении «ставшая независимой Украина». С идеей независимости связан и украинизм *свидомый*, чаще в форме мн. ч. – «патриотически настроенный представитель (украинской) нации», а *свидомость*, соответственно, – «национализм, негативное отношение к России, русским». С понятиями *свидомые* и *свидомость* в современном российском сознании нередко связывается понятие *западенцы* (ед. ч. *западенец*; в разговорном русском языке сохраняется фонетическое звучание на исходном языке – «*э*» вместо «*е*» после согласного «*д*») – «жители (житель) западных регионов Украины». К новым украинизмам можно отнести и слово *мова* («язык), употребляющееся в русском языке в более узком значении – «украинский язык». Данный украинизм чаще всего встречается в разговорном и массмедийном дискурсах в отрицательном контексте, с уничижительным оттенком. Список таких слов несколько шире, однако их рассмотрение мы оставляем за рамками данного исследования. Из уже имеющихся работ на эту тематику назовем, в частности: [Хмелевский 2018; Полякова 2014; Барбара 2013 и др.].

Украинизмы, вошедшие в состав русского языка уже относительно давно, и современный политизированный «мета-новояз» в той или иной степени отражают, скорее, стереотипное представление о близкородственной нации и ее культуре. Если, например, украинизмы *гопак, горилка* и *вышиванка* и т. п. – это такие же традиционные стереотипные представления об Украине, как, скажем, *балалайка, водка* и *валенки* о России, то слова типа *майдан*, *Незалежная*, *свидомые* и т. п. – новые «политические стереотипы» и потенциально опасные в прагматическом аспекте слова, употребление которых должно быть тщательно продумано и обосновано, чтобы не вызывать агрессию, особенно в свете «новомодных» русскоязычных дериватов типа *майданутый* и *свидомитый*, находящихся уже за «гранью фола»: подобные лексические единицы относятся к элементам так называемой «языковой агрессии».

Обратимся к некоторым наиболее часто встречающимся в разговорной речи лексическим элементам украинского языка – украинизмам, в том числе «лексическим вставкам» из украинского языка в русскую разговорную речь, или *трансплантантам*, т. е. лексическим единицам, «перенесенным» из одного языка в другой в оригинальной форме или в несколько трансформированной, адаптированной в соответствии с фонетическими правилами принимающего языка. Данное явление можно назвать осознанным лексическим переносом в родной язык лексем и отдельных фраз из другого языка в целях создания более яркого экспрессивного, комического эффекта в речи говорящего, языковой (или точнее – межъязыковой) игры, снижения стиля речи и придания более непринужденного ха-

рактера общения, подражания речи русскоговорящих, политизации тематики и вследствие других причин [Савченко, Хмелевский 2018: 349].

Элементы (отдельные лексемы и фразеологизмы, а также прецедентные тексты, кальки, речевые штампы), вошедшие из украинского языка в русскую разговорную речь, можно классифицировать следующим образом.

1. Слова, обозначающие различные реалии повседневной жизни, давно существующие в словарном составе русского языка и сохраняющие отсылку к украинской культуре, вызывающие ассоциации с украинскими образами лишь при употреблении в определенных контекстах (в некоторых случаях важно сохранение «фонетического образа» слова или фразы: отсутствие редукции гласных, «э»-кание, произношение характерного украинского фрикативного «г» и т. п.). К наиболее частотным таким словам можно причислить слова *хата* и *гроши*.

Само слово *хата* трудно отнести к чистым украинизмам: оно широко распространено и в южнорусских диалектах, активно используется в разговорном языке и особенно жаргоне (в частности, криминальном, молодежном; см., например [Мокиенко, Никитина 2000]); лексема *хата* наиболее частотна в «жаргонно-разговорном» значении «квартира»: *Как стукнуло 20 лет, мне перепало в наследство три* ***хаты****, две сдаю в одной живу.* (https://a2ch.ru, 23.03.2017). Весьма частотен и русский фразеологизм *моя хата с краю* [Олійник, Сидоренко 1991: 295] (укр. *моя хата скраю* [Олійник, Сидоренко 1991: 88], *моя хата з краю*). Однако выражение *до хаты* (идти) – это достаточно распространенный в речи украинизм. Нужно также отметить, что образ *хаты* в русской культуре прочно закреплен и благодаря литературе, связанными с ней прецедентными феноменами, вспомним, например, известную песню на стихи М. Блантера «Враги сожгли родную хату», написанную композитором М. Исаковским (исполнил М. Бернес).

Украинское слово *гро́ши* (укр. *гроші*, «деньги») вошло в русский разговорный дискурс с оттенком иронии: *Друг ожидал, что я знаю английский. Английского я не знал. В итоге работы нет, но пока есть* ***гроши****, какие мама дала* (https://angliya.com, 02.18.2019). Добавим, что оба слова широко представлены как в украинской, так и в русской фразеологии, благодаря чему органично сосуществуют в близкородственных культурах и языках (например, рус. *ни за какие гроши*, укр. *ні за які гроші* и т. п.).

Как и в случае со словом *гроши*, являющееся литературным в украинском языке слово *торба* в русском языке употребляется только как разговорно-просторечное, в значении «сумка больших размеров». При этом оно нередко имеет дополнительную стилистическую окраску: в зависимости от контекста и прагматики высказывания слово *торба* может приобретать или шутливый характер, или, наоборот, неодобрительный, демонстрирующий раздражение говорящего. Сравним следующие контексты: *В соответствии с рекомендациями пошли навстречу интересам:*

купили ***торбу*** *с изображением дьявола и бандану со скелетами* (http://ilady.info, 04.2012). И другой контекст: *По приезду минивэна и видя что могут не влезть – не отказались от него, а все равно поперлись со своими* ***торбами*** *в салон* (www.abw.by, 09.2014). На прагматическое значение данного слова решающее влияние оказывает интонация, с которой звучит фраза (на письме фактически непередаваемо), и контекстуальное окружение. «Естественность» существования данного слова в русском языке, как и в случае со словом *хата*, обеспечивается за счет наличия в русском языке устойчивого сравнения (фразеологизма) *(носиться) как с писаной торбой*.

Название традиционного украинского музыкального инструмента *бандура* в русском языке уже давно используется в переносном значении «громоздкий и нескладный предмет» с пометами *прост., неодобр.* [Ожегов, Шведова]. Ограничимся лишь одним примером: *Куда ты такую здоровенную бандуру в вагон затаскиваешь?!* (о крупногабаритном багаже; фиксация из устной речи, 02.2019).

В ситуациях неформального общения в русском разговорном дискурсе широкое распространение получила и лексема *харчи* (реже – в форме ед. ч.: *харч*), восходящая к др.-рус. *харчь* и актуализированная в русском речевом обиходе под влиянием украинского языка. Дефиницию данного слова можно определить как «еда: часто простая, недорогая»: *ЛЭТИ, где происходила защита диссертаций, мне пришлось быть оппонентом за* ***харчи*** (www.t-story.ru, 08.08.2019); *В поезд – со своими* ***харчами****. Антимонопольные органы пытаются исключить из стоимости билета оплату продовольственного набора* (Комсомольская правда. 20.07.10); *Пусть едут за* ***харчами*** на *периферию* (www.press.rzd.ru, 10.10.2011); *Кто отощал, а кто наоборот раздобрел с армейских* ***харчей****, кому на первых порах эта перловка в горло не лезла после маменькиных пирожков?* (http://yasnay.ru/forum, 23.10.2012). Вошло слово *харчи* и в русскую фразеологию: *на казенных харчах* («о человеке, находящемся в тюрьме»). От существительного образован глагол, имеющий разговорно-сниженную стилистическую окраску, – *харчеваться*. Можно вспомнить Булгаковского персонажа Шарикова: *Я без пропитания оставаться не могу, где же я буду* ***харчеваться****?* (М. Булгаков. Собачье сердце) или запись с одного из интернет-форумов: ***харчуюсь*** *– в пельменной...* ***подхарчевываюсь*** *– у соседки* (https://otvet.mail.ru, 10.11.2015).

Украинизм *чоботы / чёботы* в разговорной речи, неформальном общении часто приобретает значение «очень большие, необычные по размеру и форме ботинки», например, во фразе: *Такую верхнюю одежду впору совместить с денимом, джоггерами, леггинсами, мощными* ***чёботами****, угами, апрески и треккинговой обувью* (www.teknoprint.it); *И вот они,* ***чоботы****! Отличные женские сапоги из натуральной кожи и меха* (http://dnevnik.bigmir.net, 18.10.2007).

Слово французского происхождения *кордон*, конечно, не является чистым украинизмом в русском языке (как, например, и слово *торба*) [Ожегов, Шведова], однако в настоящее время в контекстах употребления данное слово нередко призвано выполнять роль маркера «украинскости» по значению: «государственная граница Украины с Россией (реже: с Польшей)» (в отличие от несколько иного значения данного слова и функций в контексте в русском языке: «охрана, защита, барьер от кого- или чего-л.»): ***Кордон*** *Украины с Россией пересекли вооруженные люди: как развивались события* (Комсомольская правда в Украине. 27.05.2014); *Многие вынуждены из-за абсурдной миграционной политики России метаться раз в несколько месяцев до донецкой границы и обратно, а то и пробираться мышиными тропами через другие участки российско-украинского* ***кордона****, рискуя на сей раз не проскочить* (*https://news.rambler.ru*, 14 февраля 2019). Соответственно, этот маркер принадлежности к украинскому дискурсу может придавать контексту определенную стилистическую окраску, как правило, легкий оттенок иронии: *По данным Ульяны Ганусяк, представительницы Яворовской райадминистрации, ближе к* ***кордону*** *лидирует Зеленский* (https://strana.ua, 22.04.2019). Нельзя не упомянуть и о том, что в русском языке существуют выражения, типа: *за кордон (уехать), за кордоном (жить, находиться).*

Стилистический характер и прагматическую функцию украинизмов в русском языке и речи наглядно демонстрирует слово *указивка* (укр. *вказівка, указівка*): как и в украинском, в русском языке оно имеет значение «документ, содержащий директивное указание», однако если в украинском языке оно стилистически нейтрально, то в словарях русского языка имеет помету *прост., пренебр.* (например, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова]). Приведем примеры: *Ну, тогда пока нам ничего не сказали, то будем ждать какой-нибудь* ***указивки*** *от начальства* (фиксация из устной речи, 05.2018); *Добровольцы по* ***указивке****. Сайт патриархии скромно умолчал, что неделей ранее из патриархии в Кубанскую митрополию пришла* ***указивка*** *с требованием организовать эту акцию* (Живой Журнал, «Пишет диакон Андрей Кураев», https://diak-kuraev.livejournal.com, 27.03.2017); *Когда сверху приходит* ***указивка****, я ее вешаю на первый гвоздь. Через некоторое время приходит напоминалка, тогда я перевешиваю* ***указивку*** *на второй <…>.* (Г. Архангельский. Тайм драйв).

Одним из самых «свежих» украинизмов-неологизмов можно считать слово *заробитчанин* (укр. *заробітчанин*) – «трудовой мигрант». Эта лексема, в основном, используется в той же функции, что и слово *гастарбайтер*, но если под этим словом в России обычно подразумевают выходцев из Средней Азии, то *заробитчанами* называют граждан Украины: *Украинские* ***заробитчане*** *за 2018 год перечислили в страну 14 миллиардов долларов, что на 19 % больше, чем в 2017 году* (Живой Журнал, https://varjag2007su.livejournal.com, 09.04.2019).

2. Лексические вкрапления (лексические трансплантанты) – языковые штампы и клише, часто употребляемые в русском языке (в устной и письменной речи) в виде устойчивых сочетаний, реже – единичных слов, при этом чаще всего в оригинальной фонетической (а при возможности – и грамматической) форме. Отметим, что понятие «лексические трансплантанты» не тождественно понятию «заимствования», так как в принимающем языке, как правило, они уже имеют лексические эквиваленты, в то время как заимствования обычно выражают новые понятия, входят в лексический состав языка и фиксируются словарями [Савченко, Хмелевский 2008а: 179].

Весьма частотными лексическими трансплантантами из украинского языка в русском являются выражения *гарный хлопец* и *гарна(я) дивчина* (также в форме мн. ч.: *гарные хлопцы*, *гарные дивчины*). Если слова *хлопец* и *дивчина* сами по себе могут считаться заимствованиями, то в сочетании с украинским прилагательный *гарний* («красивый») в русской фонетической форме *гарный*: окончание *-ый* вместо аналогичного украинского *-ий* (но, как правило, с подчеркнутым фрикативным ***г***). Эти выражения уже можно считать в некоторой степени стереотипными концептами, выражающими понятия «украинец, молодой человек с Украины», «украинка, девушка с Украины». ***Гарный хлопец****: притворявшийся школьником 23-летний украинец обвинен в совращении 15-летней девушки в США* (https://rusnext.ru, 27.02.2016); *Был у нас староста группы –* ***гарный хлопец*** *Петя Пилипенко. Своеобразный, надо сказать, хлопец* (www.anekdot.ru, 18.11.2004); *В Киев, к* ***гарным хлопцам*** (Живой Журнал, https://ru-travel.livejournal.com, 10.05.2011); или формулировка вопроса в кроссворде: *Штаны «****гарных хлопцев****»*, ответом на который является другой вышеупомянутый украинизм-национальный стереотип – *шаровары* (https://dovga.net/crossword_data/4536/shtani-garnih-hloptsev); *В киевском аэропорту «Борисполь» высокого российского гостя [Б. Ельцина] встречали украинский премьер,* ***гарные дивчины*** *с хлебом-солью, столь же* ***гарные хлопцы*** *в красных* ***шароварах****, многочисленные журналисты и еще более многочисленные стражи порядка* (Сегодня. 02.06.1997. № 111); *А* ***гарная дивчина*** *Ксана, она же Оксана Сметанка (манкая, в жовто-блакитной кофточке <…>, как бы ни хотела казаться примитивной, внутренне многослойна настолько же, насколько «рельефна» внешне* (Вечерняя Москва. 22.11.2017). Данные выражения могут употребляться и в более широком контексте, безотносительно к национальной принадлежности, в значении «красивый молодой человек; человек, выделяющийся силой или другими качествами», «очень красивая, привлекательная девушка»: *За одним столиком там сидела девица с двумя кавалерами, за другим – трое* ***гарных хлопцев*** (В. Вайнин. Вперед, плаксы!); *Мастер-класс по вождению чего угодно от гарных хлопцев* (https://fishki.net, 13.02.2019); *Лет 30 назад я посетил Рязань с экскурсией, а чуть позже в поезде встретил*

***гарну дивчину**, которая оказалась уроженкой рязанщины и стала моей женой* (www.otzyv.ru, 04.04.2012). В зависимости от контекста эти фразы могут иметь как «нейтральный» характер, так и – чаще всего – экспрессивно окрашенный: положительную или отрицательную коннотацию, нередко с оттенком иронии или сарказма: *Индонезия. Там ваще **гарные хлопцы** гоняют, попутно разграбляя полстраны* (Живой Журнал, https://liver88.livejournal.com, 06.06.2014); [Заголовок интернет-статьи]; ***Гарные хлопцы** скифы* (https://cont.ws/@kamas, 13.02.2016); [Отзыв о концерте оперной певицы Анны Нетребко] *Хорошо... но на Анну можно и без звука смотреть... очень **гарная дивчина**!* (www.politforums.net, 31.07.2014); [Репортаж о премьере спектакля]: *В роли змея-искусителя – <...> успешная бизнес-вумен, владелица ритуального агентства. Актриса – Лариса Егорова, без ума от своей героини <...>: «**Гарная дивчина**, обаятельная привлекательная, у нее было семь мужей – причем родственники мужей ей помогают!»* (Вести Калининград. 27.11.2017); *Наконец-то появилось изображение нового «лица» компании ATi, 3D-леди – девушки Ruby, так сказать, в полный рост: что и говорить, настоящая «**гарная дивчина**», хотя лично мне больше по душе эльфийка Dawn* (https://3dnews.ru, 23.04.2004). Показателен и такой фрагмент: *Очередная алкогольная драма разыгралась в субботу 19 июня. В квартире одного из домов по улице Пушкина собралась небольшая компания, двое молодых людей и одна барышня. <...> Но, похоже, представители сильного пола в мушкетеры не записывались. Вместо всяких приятностей они закатили дебош. <...> Они – мужчины – вдвоем избили одну девушку. <...> Ай да **хлопцы**! **Гарные хлопцы**, галантные кавалеры!* (Вечерний Краснокамск. 10.02.2019).

Образованное от прилагательного *гарний* наречие *гарно* в разговорном русском языке встречается в заимствованном из украинского выражении: *От це гарно!* Интернет-портал «Грамота.Ру» так комментирует данное выражение: «*вот это да! ну и ну!* (чаще с элементом *ирон*. неодобрения). Укр. «вот это хорошо!»» (http://gramota.ru/slovari/argo/53_9020). Соглашаясь, в целом, с такой трактовкой, отметим, что «элемент неодобрения» для этого выражения характерен далеко не всегда, чаще всего, наоборот, в контексте его используют для создания эффекта иронии, как проявление юмора, выражение одобрения чего-л.: (комментарий в интернет-форуме): *И ты приедешь? Не, пирожки я отменные пеку. Чай заварим с мятой. Винца прикупим. **От це гарно!*** (Woman.ru, 20.05.2012).

Еще одним распространенным лексическим трансплантатном из украинского языка в разговорной речи является вопрос *Шо це таке?*, употребляющийся, как правило, в неформальном общении в шутливо-ироничном контексте: *Так, а **шо це** таке? Откуда это? Кто принес сюда эту книгу?* (фиксация из устной речи, Петербург, 2005); *И ломают головы себе мудрецы-философы, себе и другим – борцы-свободолюбцы: хотим! горят бойцы; **шо це таке?** докапываются мудрецы* (М. Веллер. Всё о жизни). Шут-

ливо-ироничной присказкой в русской речи стала и расхожая в украинском разговорном языке фраза *А як же!*, выражающая подтверждение, согласие: – *Скажите, а если я потеряла книгу, то мне придется платить?* – ***А як же!***; – *Ну чё, пиво будем?* – ***А як же!*** (фиксации из устной речи, 2018).

Приведем еще одно выражение, «перенесенное» из украинского в русскую разговорную речь для создания различных стилистических эффектов, (в первую очередь, комизма) – это шутливо-ироничная фраза *нема грошей*: *Депутат Госдумы РФ Андрей Туманов уверен, что Украине давно пора взяться за голову – «Газ нужен, а* ***грошей нема»*** (http://yatakdumayu.ru/ukraina-i-gaz); [комментарий в ЖЖ]: *Я просто онищебродился маленько за последние полгода в связи с открытием своего дела. На мотоништяки* ***нема грошей*** (https://vzletit.livejournal.com/122082.html?thread=850658#t850658). *Хотела ремонт сделать на даче, а денег-то нема* (фиксации из устной речи, 2018).

3. Прецедентные феномены (цитаты, штампы, клише) из массовой культуры (фольклор (в том числе анекдоты, шутки), литература, песни, кино), а также расхожие высказывания, зачастую уже утратившие авторство в массовом стереотипном сознании. В XX веке, в период существования в едином политическом и социально-бытовом пространстве, благодаря близости языков, традиций и менталитета, единому культурному дискурсу (общности литературы, включая фольклор, культуру анекдота, музыкального и киноискусства) в русский язык вошел целый ряд украиноязычных элементов. В частности, расхожие в разговорном русском языке выражения *до хаты* и *до дому* во многом стали популярными благодаря песне «*Будьте здоровы!*» (слова были написаны белорусским поэтом А. Русаком, автор русского текста – М. Исаковский, композитор – И. Любан, исполнитель – Л. Утесов). Последний куплет начинался словами: *Так будьте здоровы, / Живите богато, / А мы уезжаем / До дому, до хаты*. Песня стала популярной и благодаря фильму «Кубанские казаки». Украинские грамматические конструкции *до + Род. п.* также характерны для южно-русских диалектов, благодаря чему они органично «вписались» в «общерусский» разговорный язык в значении «пора возвращаться из гостей домой, в том числе из-за границы на родину» с оттенком разговорности, непринужденности, легкой иронии, иногда подчеркивая то, что человек уже соскучился по родному дому, по родине): [комментарий на интернет-форуме] *Ладно, пора* ***до дому, до хаты****. Надеюсь, что пока буду в пути с моим счетом не случится ужасное* (https://webcache.googleusercontent.com, 27.04.2019); *Я ведь проездом – в Эйлат <…> А потом – на родину,* ***до-дому-до-хаты****, пора и честь знать* (И. Войтовецкий. Светка).

Из украинской народной песни «Ти ж мене підманула» в русский речевой обиход вошла шутливо-ироничная фраза *ты ж мене пидманула [ты ж мене пидвела]* (укр. *Ти ж мене підманула, Ти ж мене підвела*): *Случилось страшное: ее подруга, взяв Аскин телефон, написала что-то сво-*

ему бой-френду. Юноша ответил радостно, думая, что пишет ему Аска. Девочка ответила еще радостнее, думая, что он это ей. ...ну да: комедия положений, классика жанра, ах, какой пассаж! ***Ты ж меня пидманула!*** *...и теперь он говорит, что в меня влюбился, а она плачет и со мной поссорилась* (Живой Журнал, https://ya-exidna.livejournal.com, 23.02.2010). Прецедентной в русском речевом дискурсе стала еще одна строчка из данной песни: *Я прийшов, тебе нема.* По-русски она чаще всего передается так: *Я пришёл, тебе / тебя нема*: *– Где ты была вчера вечером? Я заходил к тебе, но* ***тебя нема*** (фиксация из устной речи, Петербург, 2018); ***Я пришел – тебя нема****. Онлайновые свидания, как известно, штука тонкая, а для владельцев соответствующих сервисов – еще и довольно прибыльная* (Компьютерра. 29.11.2005. № 44).

Характерной особенностью, подчеркивавшей общность культурного пространства, было то, что в литературе, и особенно в киноискусстве, был создан целый ряд колоритных образов персонажей-украинцев, использовавших в своей речи украинский язык или отдельные его элементы (эта традиция восходит еще к «Энеиде» И. Котляревского). Так, крылатой стала фраза одного из героев фильма «Место встречи изменить нельзя» – Пасюка – *Да ничего особливого*. Пример употребления: *Ну хоть один в доме добытчик! Так захотелось воскликнуть мне, когда друг, по телефону, на вопрос – какие новости? – на манер персонажа из фильма «Место встречи изменить нельзя», растягивая удовольствие – ...****да ничего особливого****!* (Сибирский охотник, www.hunting.ru, 20.04.2016); *– Ну ты, наверное, тоже сам развиваешься? –* ***Да ничего особливого*** *– зарядочку утром делаю, да работой своей занимаюсь...* (www.e1.ru, 02.05.2012).

4. Фразеологизмы, паремии, фразеологизированные выражения и их фрагменты. Тесное сосуществование двух близкородственных народов, имеющих общую историческую, культурную и языковую базу, многовековое соседство в составе единого государства (Российская империя, СССР), а также постоянные языковые контакты способствовали проникновению и закреплению в культурной памяти русских отдельных украинских фразеологизмов и паремий. Пожалуй, самой распространенной фразеологической единицей (ФЕ) украинского происхождения в русском языке является ФЕ *за шкирку* (брать; взять), т. е. «за шиворот». ФЕ образована от деминутивной формы украинского слова *шкіра – шкірка* по модели украинской ФЕ *за шкірку* (*виставити, висадити, витягнути*) – «очень грубо прогнать кого-л.». Сегодня эта ФЕ уже не ощущается русскоговорящими как ФЕ-украинизм, но его семантика и метафорическая основа остается для них неясной (при соотнесении с украинском словом *шкіра* («кожа»; в русском языке произошла трансформация значения: *шкирка* – «шиворот» [СУМ 1980: т. 11, 477]).

Достаточно частотна в русском речевом дискурсе пословица *бачили очі що купували [їжте ж, хоч повилазьте]*. Обычно и в украинском, и в

русском языках эта пословица (в русском написании может сохранять или оригинальный вариант, или имеет более «русифицированный» вид: *бачили очи, шо купувалы*) чаще всего употребляется как ответ на жалобы о плохом муже (реже – о плохой жене), на плохую жизнь, что иллюстрируют такие контексты: *Из любопытства посидела тут на бабьих форумах. Не могу лишний раз не пхнуть избитого факта. После любого женского плача на тему семейных бед 15/20 опрошенных респондентов, даже жалеючи, добавят: «Не, ну а че ты хотела? Сама такого выбрала.* ***Бачили очи, шо купували, теперь ишьте, хоть повылазте!»*** (Живой Журнал, https://bely-den.livejournal.com/112540.html, 21.5.2017); *И что, она не знала, за кого выходит? Ну,* ***бачили очи, шо купували*** (фиксация из устной речи, Москва, 2017). Встречается и вариант *бачили очи, що брали*: *Есть поговорка:* ***Бачили очи, що брали****. Имеется в виду видела, за кого замуж выходила (если речь о девушке)* (https://sovet. kidstaff.com.ua, 15.07.2012). Пословица используется и в более широком контексте – «надо было раньше думать, быть более внимательным и острожным – теперь бесполезно жаловаться», например: *<…> их западным покровителям можно только сказать:* ***бачили очи, шо купувалы, кушайте теперь, пока не повылазает*** (https://politikus.ru, 20.08.2015).

В следующем контексте встречается популярная украинская присказка *панські витребеньки* (панские / барские прихоти) в ироничном контексте: – *Вчера я купила рыбу, которая называется аргентина <…> разморозила, и всё-таки содержимое кишечника мне не нравится. То есть это личная моя такая …* ***паньски вытребеньки****, как наши говорят соседи любимые. [И ответ ведущего]: – Конечно, это* ***паньски вытребеньки****, очень хорошее слово ваши соседи используют* (Радио России. Скорая кулинарная помощь. 24.03.2019). Примечательно, что под комментарием радиослушательницы «*наши соседи любимые*» явно подразумевались украинцы, намек на что, очевидно, не понял радиоведущий.

5. Отдельные слова разных частей речи (в первую очередь глаголы), вставленные в русскую речь, которые приобретают новое стилистическое наполнение, оттенки значения и используются в языке в различных контекстах и функциях в зависимости от прагматической задачи коммуникации. В этой группе можно выделить уже «русифицированные» слова, типа: *притулиться*, *гнобить*, *тика́ть*, *надыбать*, *пошукать*, *ховаться*, *дерибанить* и т. п. Много таких слов обнаруживается в южнорусском диалекте и русском жаргоне, однако это большой материал для отдельного исследования. Часть украинизмов представляют собой лексические вкрапления (лексические трансплантанты) и употребляются в максимально приближенной к оригинальной фонетической форме: *гарно* («хорошо»), *сидайте!* (*шутл.-ирон.* «садитесь!»), *Геть!* (*экспр.* «Прочь отсюда! Вон!»), *Бувай!*, *Бувай здоров / здорова* – шутливо-ироничные формы прощаний, *[Я тебя / вас] не розумию* (в шутку или, наоборот, с раздражением

о непонимании). Рамки статьи не позволяют привести пример на каждую из этих лексем и фраз, однако в разговорной речи, а также в интернет-дискурсе такие лексические единицы встречаются достаточно часто.

Результаты исследования

Мы рассмотрели лишь часть украинизмов, в том числе вкраплений из украинского языка (украинизмов-трансплантантов), встречающихся в русском языке, в том числе и в разговорной речи. Некоторые украинизмы уже фактически не воспринимаются как «нерусские слова», например: *бурьян*, *брехня*, *надыбать* и мн. др. Отдельные слова постепенно отходят на периферию и выходят из активного словоупотребления, например *разгардияж* («беспорядок»), *гармидер* («шум, суматоха, беспорядок»), *хабар* («взятка») и др. Политические события на Украине и пристальное внимание к ним российских СМИ способствуют проникновению в русский речевой обиход новых украинизмов *рада*, *перемога*, *зрада*, *ганьба, майдан, незалежная, свидомый, помаранчевый* («оранжевый»), а также украинских реалий в быту: *на бруньках* («на почках»)...

Уже на данном этапе исследования можно констатировать, что украинизмы (заимствования: реалии, экзотизмы и лексические вкрапления (лексические трансплантанты)) прочно укоренились в литературно-разговорном русском языке и достаточно широко используются в повседневной разговорной речи. Среди факторов, способствующих этому процессу, выделим следующие:

1) многолетние историко-культурные контакты двух близкородственных народов;

2) генетическую близость языков, сходство (но не тождество) фонетической, морфологической, синтаксической систем; сходство лексического состава (восточнославянская языковая общность) и принципов словообразования;

3) сходство культурных и метафорических образов, что объясняется общей (но не всегда тождественной) фольклорной основой;

4) среди культурных факторов, влияющих на проникновение украинизмов различных типов в русскую разговорную речь, отметим влияние литературы, а также кино (где представлены образы украинцев с особенностями их речи) и музыки. Ставшие крылатыми фразы из произведений литературы, фильмов и песен вошли в отдельные виды словарей (в частности, русского языка, русской фразеологии, русского жаргона, словарей «крылатики»);

5) одним из «плодотворных» жанров-источников украинизмов различного типа, в том числе и случаев «фонетической имитации», искажения (намеренного) украинского языка и переноса, «трансплантирования», украинских слов в русский язык, является популярный жанр анекдотов об украинцах или частый прием «псевдоимитации» украинского языка совре-

менных развлекательных передач на российском телевидении (достаточно уподобить свою речь псевдоукраинской речи или произнести фрикативное ***г*** с нарочито подчеркнутой в стереотипном сознании украинской интонацией, как это вызывает определенный юмористический отклик у российской публики, уже вне зависимости от непосредственного содержания самой шутки).

Вышеперечисленные факторы обусловливают процесс межъязыковой конвергенции вследствие смешения двух близкородственных языков.

Более подробное рассмотрение данного вопроса, однако, выходит за рамки этой статьи и требует отдельного описания, равно как и случаи синтаксических (*скучать* ***за*** кем-л., *смеяться* ***с*** кого-л. *приехать до кого, думать за что* и т. п.), фонетических («*шо*»-кание и «гэ»-кание), грамматических (*Льв**и**в – до Льв**и**ва* вместо правильного литературного «укр. *Льв**і**в*» – *до Льв**о**ва*) украинизмов и случав искажения украинских слов, типа *останивка* (укр. *зупинка*), *перекурня* (укр. *перукарня* «парикмахерская») и т. п.

Заключение

Определяя стилистическую и прагматическую роль подобных единиц в речи, отметим, что они способны создавать целый ряд различных стилистических эффектов в зависимости от интенции говорящего. Это, главным образом, относится к лексическим трансплантантам из украинского, которые способны создавать в контексте бóльший комический эффект, выражать повышенную иронию, даже сарказм; нередко они также служат элементом «языкового стеба», а в некоторых случаях и языковой агрессии. Также в них до некоторой степени отражается не только национальный колорит, но и определенная «стереотипизация сознания» говорящих по отношению к близкородственной, но всё же другой нации и ее представителям. По нашим научным наблюдениям можно отметить, что в целом украинизмы в русском языке являются ярким элементом сатирического описания и средством «экспрессивизации» речи как в ситуациях неформального общения, так и в языке СМИ, что может дополнительно придавать ему черты непринужденного обиходно-разговорного стиля.

В данной статье мы затронули лишь некоторые аспекты явления, остающегося пока (по крайней мере, в изучении живой разговорной речи, языка СМИ и интернет-коммуникации) малоизученным как с лингвистической, так и экстралингвистической точек зрения. Продолжение исследований в данном направлении, безусловно, заслуживает дальнейшей детальной разработки, особенно с учетом и в условиях современной геополитической ситуации.

Список литературы

Баранник Л.Ф. Причины заимствования иноязычных слов в русские островные говоры юга Украины // Записки з загальної лінгвістики: Збірник наукових праць. Вип. 3. Одесса: Астрапринт. С. 3–10.

Баранник Л.Ф. К вопросу о лексических заимствованиях в русских островных говорах Одесщины // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2007. Т. 20, № 3. С. 89–95.

Барбара Н. Украинизмы-вкрапления в русских газетных текстах // Науковий вісник Херсонського державного університету. Сер.: Лінгвістика. Вип. 18. 2013. С. 217–222.

Вержанская О.Н., Лагута Т.Н. Украинизмы в составе русской лексики // Інновації та традиції у мовній підготовці студентів: тези доповідей міжнародного науково-практичного семінару 14 грудня 2017 р. Харків, 2017. С. 53–56.

Виноградов В.В. Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: сборник статей. М., 1971. С. 13–22.

Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. 388 с.

Гажева И.Д. Украинизмы как имена культурных концептов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2011. № 2. С. 157–163.

Дика Л. Функції українізмів у російськомовних текстах (на матеріалі мови блогерів) // Наукові записки НаУКМА. Мовознавство. 2018. Т. 1. С. 75–82. DOI.org/10.18523/2616-8502.2018.75-82.

Ефремов А.Ф. Украинско-русские языковые параллели (на основе материала произведений Н.В. Гоголя) // Вопросы славянской филологии к V Международному съезду славистов. Саратов, 1963. С. 186–204.

Качор М.И. Функции украинизмов в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Материалы III Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе» (16 ноября 2012 г., Саранск). Вып. 4. Язык. Культура. Общество. URL: http://yazik.englishleo.ru/2012-16.php (дата обращения: 20.04.2019).

Космеда Т., Намачинська Г. Українізми в тлумачному словнику живої великоросійської мови В. Даля: тематична класифікація // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Мовознавство. № 2 (28) 2017. С. 44–49.

Масенко Л. Мова і суспільство: постколоніальний вимір. Київ: КМ Академія, 2004. 164 с.

Мирошник Д.И. Н.В. Гоголь. Его роль в укреплении русско-украинских языковых связей. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1959. 216 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://ozhegov.info/slovar/ (дата обращения: 18.05.2019).

Олійник І.С., Сидоренко М.М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. Київ: Радянська школа, 1991. 400 с.

Полякова Т.М. Функционирование украинизма *майдан* в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 173–179.

Савченко А.В., Хмелевский М.С. «Здаравеньки булы!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-куль-

турном дискурсе) // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). М.: Эллипс, 2008a. С. 177–181.

Савченко А.В., Хмелевский М.С. Межславянские лексические трансплантации в современной прессе // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 6. Opis, konfrontacja, przekład. Wrocław, 2008b. 403–408.

СУМ – Словник української мови в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І.К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1970–1980.

Хмелевский М.С. Ориентализм «майдан» и его лексико-семантические трансформации в современном славянском мире // Материалы III форума гуманитарных наук «Великая степь» Т. 1. Астана, 2018. С. 483–491.

Чапленко В.К. Украинизмы в языке Гоголя // Литературная учёба. 1940. № 2. С. 53–69.

Sapir E. Culture, Language and Personality: Selected Essays. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 1960. 207 p.

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985. 368 p.

References

Barannik, L.F. (2001), Prichiny zaimstvovaniya inoyazychnyh slov v russkie ostrovnye govory yuga Ukrainy [The reasons for borrowing of foreign words in the Russian island dialects of the south of Ukraine]. *Zapiski z zagal'noï lingvistiki: Zbirnik naukovih prac'* [Barannik Notes on general linguistics: Collection of scientific works], iss. 3. Odesa, pp. 3-10.

Barannik, L.F. (2007), K voprosu o leksicheskih zaimstvovaniyah v russkih ostrovnyh govorah Odesshchiny [To the question of lexical borrowings in the Russian island dialects of Odessa region]. *Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya»* [Scientific notes by Tauride National University after V.I. Vernadsky. A series of “Philology”], iss. XX, no. 3, pp. 89-95.

Barbara, N. (2013), Ukrainizmy-vkrapleniya v russkih gazetnyh tekstah [Ukrainian lexical elements in Russian newspaper texts]. *Naukovij visnik Hersons'kogo derzhavnogo universitetu* [Kherson State University Herald. Series: “Linguistics”], iss. 18, pp. 217-223.

Verzhanskaya, O.N., Laguta, T.N. (2017), Ukrainizmy v sostave russkoj leksiki [Ukrainism in the Russian vocabulary]. *Innovacії ta tradicії u movnij pidgotovci studentiv: tezi dopovidej mizhnarodnogo naukovo-praktichnogo seminaru 14 grudnya 2017 r. Harkiv, 2017* [Innovations and Traditions in the Language Preparation of Students: Theses of the Reports of the International Scientific and Practical Seminar December 14, 2017 Kharkiv], pp. 53-56.

Vinogradov, V.V. (1971), Gogol' kak kul'turno-psihologicheskoe i narodno-yazykovoe yavlenie [Gogol as a cultural-psychological and folk-linguistic phenomenon]. *Pamyati akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova. Sbornik statej* [In memory of Academician Viktor Vladimirovich Vinogradov], Collector of articles, Moscow, pp. 13-22.

Vinogradov, V.V. (2003), Yazyk Gogolya i ego znachenie v istorii russkogo yazyka [Gogol's language and its significance in the history of the Russian language]. *Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkih pisatelej. Ot Gogolya do Ahmatovoj* [Selected Works. The language and style of Russian writers. From Gogol to Akhmatova.], Moscow, pp. 54-96.

Gazheva, I.D. (2011), Ukrainizmy kak imena kul'turnyh konceptov v «Vecherah na hutore bliz Dikan'ki» N.V. Gogolya [Ukrainisms as the names of cultural concepts in «Evenings on a Farm near Dikanka» by Nikolai Gogol]. *Visnik Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki* [Bulletin of the Zaporizhzhya National University. Philological Sciences], no. 2, pp. 157-163.

Dyka, L. (2018), Funkciï ukraïnizmiv u rosijs'komovnih tekstah (na materiali movi blogeriv) [Functions of ukrainianisms in Russian-language texts (based on the language of bloggers)]. *Naukovi zapiski NaUKMA. Movoznavstvo, tom 1* [Scientific notes of NaUKMA. Linguistics], vol. 1, pp. 75-82. DOI.org/10.18523/2616-8502.2018.75-82.

Efremov, A.F. (1963), Ukrainsko-russkie yazykovye paralleli (na osnove materiala proizvedenij N.V. Gogolya) [Ukrainian-Russian linguistic parallels (based on the material of works by N.V. Gogol)]. *Voprosy slavyanskoj filologii k V Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* [Questions of Slavic philology to the V International Congress of Slavists], Saratov, pp. 186-204.

Kachor, M.I. (2012), Funkcii ukrainizmov v povesti N.V. Gogolya «Taras Bul'ba» [Functions of ukrainism in N.V. Gogol's story "Taras Bulba"]. *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo* [Language. Culture. Society], Materials of the III International Scientific Conference "Intercultural Communication in Modern Society" 16.11.2012 g. Saransk, iss. 4, available at: http://yazik.englishleo.ru/2012-16.php (accessed date: 20.04.2019).

Kosmeda, T., Namachynska, G. (2017), Ukraïnizmi v tlumachnomu slovniku zhivoï velikorosijs'koï movi V. Dalya: tematichna klasifikaciya [Ukrainianisms in V. Dahl explanatory dictionary of live «Velykorosiyska» language: thematic classification]. *Naukovi zapiski Ternopil's'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Gnatyuka. Seriya: Movoznavstvo* [Scientific notes of the Ternopil National Pedagogical University named after. Volodymyr Hnatyuk. Ser.: Linguistics], no. 2(28), pp. 44-49.

Masenko, L. (2004), *Mova i suspil'stvo: postkolonial'nij vimir* [Language and Society: postcolonial dimension], Kyiv: KM Akademiya, 164 p.

Miroshnik, D.I. (1959), *N.V. Gogol'. Ego rol' v ukreplenii russko-ukrainskih yazykovyh svyazej*. Har'kov, Har'kov University publ., 216 p.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000), *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [A Large Dictionary of Russian Slang]. SPb., Norint, 716 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka.* available at: http://ozhegov.info/slovar/ (accessed date: May 28, 2019).

Olijnik I.S., Sidorenko M.M. (1991), *Ukrayns'ko-rosijs'kij i rosijs'ko-ukrayns'kij frazeologichnij tlumachnij slovnik.* Kiyv: Radyans'ka shkola. 400 s.

Polyakova, T.M. (2014), Funkcionirovanie ukrainizma majdan v russkom politicheskom mediadiskurse [Ukrainianism *maidan* in the Russian political media discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistic], no. (50), pp. 173-179.

Savchenko, A.V., Hmelevskij, M.S. (2008a), «Zdaraven'ki buly!», ili k voprosu o leksicheskoj transplantacii (russko-ukrainskie paralleli v nacional'no-kul'turnom diskurse) [To the question of lexical transplantation (Russian-Ukrainian parallels in the national-cultural discourse)]. *Frazeologizm i slovo v nacional'no-kul'turnom diskurse (lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty)* [Phraseological Unit and a Word in National and Cultural Discourse (Linguistic and Linguistic and Methodological Aspects)], Proceedings od International Scientific and Practical Conference in Honor of the anniversary of Doctor of Philology, Professor A.M. Melerovich (Kostroma, March 20-22, 2008)], Moscow, pp. 177-181.

Savchenko, A.V., Hmelevskij, M.S. (2008b), Mezhslavyanskie leksicheskie transplanttacii v sovremennoj presse [Inter-Slavic lexical transplants in the modern press]. *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 6. Opis, konfrontacja, przekład.* Wrocław, pp. 403-408.

Hmelevskij, M.S. (2018), Orientalizm *majdan* i ego leksiko-semanticheskie transformacii v sovremennom slavyanskom mire [Orientalism *maidan* and its lexico-semantic transformations in modern Slavic world]. Material of the III Forum of the Humanities "Great Steppe", vol. 1. Astana, pp. 483-491.

Chaplenko, V.K. (1940), Ukrainizmy v yazyke Gogolya [Ukrainisms in Gogol's language]. *Literaturnaya ucheba* [Literary study], no. 2, pp. 53-69.

Sapir, E. (1966), *Culture, Language and Personality*: Selected Essays edited by David G. Mandelbaum, University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 207 p.

SUM (1970-1980), Slovnik ukrayns'koy movi v 11 tt. / AN URSR. Institut movoznavstva; za red. I.K. Bilodida. – Kiyv: Naukova dumka.

Wierzbicka, A. (1985), *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 368 p.

LEXICO-SEMANTIC UKRAINISMS IN RUSSIAN: STYLISTIC AND PRAGMATIC ASPECT

A.V. Savchenko
National Chengchi University (Taipei, Taiwan)

Abstract: The article is devoted to the analysis of lexical units (as well as phraseological units and paremias) of the Ukrainian language and their functions in Russian, including those found in colloquial speech. Traditionally considered as borrowings from Ukraine (so called Ukrainianisms), and cases of so-called lexical transplantation, i.e. the inclusion to the oral or written text of foreign language elements in the original or transformed form (phonetic, morphological, lexical assimilation in the host language) are being examined. Today this phenomenon is a characteristic and specific feature of modern Russian-speaking conversational discourse. It is manifested at all levels of communication: from informal everyday communication to the language of the media and public discourse in general. Ukrainian words and expressions actively began to penetrate into the Russian language use thanks to the works of I.P. Kotliarevsky and N.V. Gogol. Today, the usage of Ukrainianisms in Russian (and, before all, in everyday speech, colloquial language), including lexical transplantants and other features of the Ukrainian language, is stipulated both purely linguistic and extralinguistic factors. The article

presents a typological characteristic of the above-named units, on the basis of specific of given examples, their main stylistic and pragmatic functions are described. The present study also addresses the problem of interlingual convergence of two closely related languages.

Key words: Russian, Ukrainian, language contact, borrowings, lexical transplantation, language interference, intertextual elements.

For citation:

Savchenko, A.V. (2019), Lexico-semantic ukrainisms in russian: stylistic and pragmatic aspect. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 6, no. 4, pp. 1105-1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124. (in Russian)

About the author:

Savchenko, Aleksandr Viktorovich, Dr., Assistant-professor

Corresponding author:

Postal address: Taiwan, Taipei City, Wenshan District, Zhinan Rd., Sec. 2, 64

E-mail: savchenko75@mail.ru

Acknowledgements:

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Grants No. 18-012-00754/18; No. 18-012-00754/19 Conducting a comprehensive sociolinguistic study of the role and functions of the Russian language in the Ukrainian multilingual space and a description of the position of the Russian language in the modern language situation in Ukraine

Received: April 30, 2019

Revised: June 30, 2019

Accepted: November 10, 2019